

Аспирантура. Кино / Postgraduate Education. Cinema

и обратно – с общей доски на свою индивидуальную доску. В силу этого индивидуальное мышление, осуществляемое на индивидуальных досках (или листках бумаги), отделилось от общегруппового процесса мысли-коммуникации и получило свое собственное схематическое (и потому материализованное) обозначение и выражение...».

Если и возможна индивидуация как действие – то вот так. Но здесь не простое самоутверждение: шаг молодого Марка Мееровича оформляет историческую ситуацию в профессии, схематизирует фундаментальный перелом в самосознании архитектора и дает средство этот перелом конструктивно мыслить. Право на индивидуальное мышление – нетривиально, за него стоит бороться, разоблачая мифы обезличенного коллективизма, чем и занимался в дальнейшем и в различных формах Марк Григорьевич. «Своя доска», заявленная в аспирантские годы, наполнилась множеством знаков, обеспечивающих яркую и эффективную коммуникацию, питающих совместную деятельность, уже не теряющую индивидуальности. Сопоставить осуществленное действие можно лишь с введением масштабных чертежей Леонам Баттистой Альберти, также предназначенных для размежевания со «старыми» архитекторами и «готическими» прорабами, – с семиотическим и экзистенциальным подвигом, переводящими профессию на качественно иной уровень.

Первое сообщение от Марка о прекращении контактов – но и о теплящейся еще надежде – мы получили на телефоны во время банкета по поводу завершения другого Смотра ВКР – в сентябре 2018 года в Волгограде. Цифровые табло телефонов многих коллег со всей страны, собравшихся в одном зале, связались с его экраном, с его индивидуальной «доской» – увы, на этот раз по печальному поводу...

**Петр Капустин /
Petr Kapustin**

*Время – расстояние
между каплями дождя.
Поцелуй прощальный греет губы.
Ворох листьев у ворот монастыря.
Жестяной архангел трубит в трубы.*

Монастырь – это, конечно, Донской монастырь, что совсем недалеко от ДСА – Дома студента-архитектора на углу Орджоникидзе и Вавилова, где через дорогу Станкостроительный завод и совсем рядом – знаменитый Дом-Коммуна Ивана Николаева на Орджоникидзе. Светящиеся буквы с названием завода были видны из моей комнаты, когда я училась в очной аспирантуре МАРХИ. Нередко буква «С» перегорала, и название читалось как «Танкостроительный завод», выдавая секрет Полишинеля.

Мы, аспиранты из разных городов СССР, часто ходили гулять в Донской монастырь. Там было удивительно спокойно и тихо. В ту пору в Донском размещалась фототека Музея архитектуры, а в Большом соборе стояли макеты знаменитых строений. Хорошо ли, что Донской после развала Союза снова стал монастырем – не знаю. Теперь, через 35 лет, я не могу там погулять по своим любимым местам. Жизнь монастыря накладывает жесткие ограничения на передвижение посетителей. Впрочем, и Москва переменялась. Той Москвы, что я знала и любила в 80-е, уже нет. Нет даже Москвы, которая была в начале 2000-х. Город стремительно меняется, теряя память поколений.

Жестяной архангел – фигурка, которая висела над столом Марка

Мееровича в комнате на десятом этаже ДСА, когда он учился в аспирантуре. Марк сам вырезал ее из консервной банки. Фигурка была очень изящной и запомнилась мне на всю жизнь.

Думаю, что помнят этого жестяного архангела с двумя трубами и мои аспирантские друзья, которые вечерами собирались в комнате Марка. На столе, когда мы приходили, обычно стояли стаканы с чаем и лежали миниатюрные бутерброды, сделанные Марком из двух-трех кусочков хлеба и маленького кубика масла: в аспирантуре Марк жил на одну стипендию, но всегда был готов поделиться с друзьями чаем и хлебом. Однажды, чтобы немного заработать, Марк подрядился косить траву на пыльном газоне перед ДСА. Мы этот газон называли «поле чудес в стране дураков». Косить он не умел, вдобавок и коса была тупая. К вечеру он стер в кровь руки, но мужественно отказался от помощи.

С Марком Мееровичем я познакомилась осенью 1984 года.

Жили мы вдвоем с Галиной Исходжановой на восьмом этаже, в комнате 813. Я только начинала учиться, Галина уже готовилась к защите диссертации. Однажды вечером она сказала: «Что ты будешь сидеть одна – пойдём, познакомлю с Марком Мееровичем и Ириной Великановой. Что-нибудь захватим вкусное, посидим, чай попьём».

Комната Марка была на десятом этаже (№ 1012) и на самом деле предназначалась вовсе не для

жилья. Когда общежитие проектировали, архитекторы предполагали, что в ней будет стоять стиральная машина и натянут веревки для сушилки белья. Называлась она «постирочной», хотя никогда в ней никто ничего не стирал. Мест в общежитии не хватало, и это помещение приспособили для жилья. С одной стороны «постирочная» примыкала к лифту (лифт на моей памяти работал пару раз за три года, поэтому шумно в «постирочной» не было), с другой – к кухне, откуда приходили полчища тараканов, с которыми боролись, как могли. Из крохотной прихожей вход был в два помещения – собственную жилую комнату и небольшую каморку с умывальником. Жить в «постирочной» было относительно комфортно: она предназначалась для одного человека, и в каморке с умывальником можно было устроить подобие кухни.

В комнате Марка едва помещалась кровать, стол, шкаф и вертящееся кресло. На стене висела гитара.

Над столом на полках теснилось огромное количество книг, папок, стояли фигурки из бумаги и жести. На стене были приколоты рисунки и какие-то схемы с человечками. Смысл схем был неведом, но они вызывали уважение.

На двери комнаты Марка днем обыкновенно висела табличка: «Друг, я работаю. Если срочных дел нет – приходи в другое время. Буду рад». И он действительно работал с упорством каторжника, который решил вырыть подземный ход на волю.

Когда мы познакомились поближе, я узнала, что Марк – член

Московского методологического кружка Георгия Петровича Щедровицкого. Позже Александр Гербертович Раппапорт сказал, что это он привел Марка к Щедровицкому.

Методология тогда воспринималась нами, аспирантами МАРХИ, как тайное масонское знание, а методологи для нас были чем-то вроде жрецов неведомой религии. Итак, Марк был методологом, то есть посвященным в тайное знание. Его друг Дима Сладков тоже был методологом. В обыденной жизни членов ММК отличала изысканная вежливость по отношению к собеседнику, умение слушать и задавать уточняющие вопросы, которые обыкновенно начинались так: «Правильно ли я понимаю, что вы утверждаете...». А потом следовала аргументированная критика или слова поддержки. ММК был уникальной школой мышления, и атмосфера сотрудничества в этом кружке тоже была уникальной. В 80-х годах XX века Г. П. Щедровицкий устраивал многочисленные ОДИ (Организационно-деятельностные игры). Аспиранты МАРХИ умудрялись оформлять командировки и ездили на эти игры то в Киев, то в Нижний Новгород, то в Новую Утку на Урале. Марк Меерович и Дмитрий Сладков неизменно участвовали в них как методологи: идеи, которые предлагали представители других групп, становились материалом для анализа, который они проводили. Марк и Дмитрий были колоритными фигурами. Иногда после игр мы писали стишки, пародии, эпиграммы, героем которых был, в том числе, и Марк.

*Вот на трибуне ГП – всех вдохновляет
Высокомудрый Сладков бородатый
ему помогает*

*Марк Меерович схему рисует,
весь в напряжении страшном
Зал замирает в почтении и шепчет:
«О, Марк, ты великий...»*

Когда мы собирались в комнате Марка, он часто играл на гитаре и пел. Фрагментарно запомнились слова одной песни:

*Сезон апельсинов, сезон дождей... я
вижу тебя бесконечно рад...*

Думаю, что и слова, и музыку он написал сам.

Хорошо пела и играла на гитаре яркая, вольнолюбивая одесситка Ирина Кроник (Великанова). Ирина обладала таким жизнелюбием и харизмой, что не восхищаться ею было невозможно.

Мы уезжали из Москвы 28 ноября 1984 года после окончания аспирантуры. До Свердловска (Екатеринбурга) размещались в одном купе; Марк возвращался в Иркутск. Поезд вот-вот должен был тронуться. Вещи втащили в вагон. Дорога до Свердловска длилась около 30 часов. В дороге я написала стихи, которые отдала Марку, когда поезд прибыл в Свердловск.

Марку

*Чемоданы до верха набиты тоской.
Беготня предотъездная, милые лица.
Искандер на перроне. Ирина, Сладков...
До свиданья, до встречи, столица.*

*Улеглись от Москвы до Иркутска снега.
Режет нити любви расстояние.
Поезд, тьма за окном и пурга,
И огней станционных молчанье.*

28.11.1984.

Поезд Москва–Владивосток

Вернемся в начало 80-х – времени, когда каждый год хоронили по одному Генеральному секретарю ЦК КПСС; безвременно ушел из жизни Владимир Высоцкий; в Ленкоме в первый раз сыграли «Юнону и Авось», а поэты еще были «больше, чем поэты».

Над диссертацией Марк работал упорно, но защитить ее в срок не смог. Руководителем его в МАРХИ был Илья Георгиевич Лежава, который дал возможность своему аспиранту работать так, как он считал нужным и помогал по мере сил. Но в теории деятельности, которой Марк занимался в ММК, Лежава вряд ли что-то понимал. Марк же хотел сделать нечто значимое в науке, а не просто защитить диссертацию. Г. П. Щедровицкий, который консультировал Марка, тоже считал, что диссертацию ради диссертации защищать не стоит. В результате Марк защитился года через два после окончания аспирантуры. Думаю, что почтенные профессора, помнящие Щусева и Жолтовского, ничего не поняли из его схем, а методологи, вероятно, тоже были не совсем удовлетворены результатом. Защита проходила сложно, и черных шаров Марку набросали изрядно. Тем не менее, участие в работе ММК не прошло для Марка даром. Те, кто прошел эту школу, научились думать и задавать вопросы, а эти умения только кажутся легкими.

После аспирантуры Марк увлекся историей советской архитектуры. Однажды он спросил у меня лет десять назад, чем я занимаюсь. Я сказала, что меня интересует проблема историзма в архитектуре.

«Да, – ответил Марк, – это круто. А я занимаюсь градостроительной политикой СССР, но зато знаю свой материал очень глубоко».

В 2008 году я предложила Марку сделать заявку на Свердловскую киностудию на съемку фильма о советском градостроительстве 30-х годов. Вместе с режиссером-документалистом Аркадием Морозовым мы написали сценарий. Заявка была принята, и Свердловская киностудия нашла возможность выделить крошечную сумму на съемки этого фильма. Осенью 2008 года Марк приехал в Екатеринбург, и в сентябре 2008 года десять дней мы работали над этим фильмом. Увы, фильм получился совсем не таким, каким мы его задумывали. Режиссера тема советского градостроительства не слишком увлекала, он торопился и свою работу сделал очень халтурно. Почти половину экранного времени Марк находится в кадре. Только его страстная увлеченная речь в этом фильме заслуживает внимания. Как ни странно, на конкурсе в рамках XVIII Международного фестиваля «Зодчество–2010» фильм на лучший фильм об архитектуре и архитекторах «Где город-сад?» получил бронзовый диплом.

Диплом этот Марк мне вручил, когда проездом был в Екатеринбурге. Я его встретила в аэропорту. Самолет опоздал на час, и до отхода автобуса в Челябинск, куда Марк ехал на какую-то встречу или конференцию, оставалось минут сорок. Мы смогли поговорить в машине, пока я его везла на автовокзал. На автобус он успел, влетев в него

за пять минут до отхода. В таком сумасшедшем темпе он и жил, вероятно, последние тридцать пять лет. На длительное общение со старыми друзьями времени у него не хватало. Но, тем не менее, для нас он всегда был где-то рядом. Мы читали его книги, встречали его то в Москве, то в Астане, то в Магнитогорске.

По-хорошему, документальный фильм о советском градостроительстве нужно было бы снять по нашему сценарию снова, с другим режиссером и за другие деньги, и включить в него монологи Марка Григорьевича Мееровича.

Марк не успел сделать в своей жизни все, что задумал, но то, что он успел – поражает, приходится только удивляться его энергии.

На моем рабочем столе лежит его последняя книга «Градостроительная политика СССР 1917–1929». Книга вышла в свет в 2018 году. Уверена, что книги Марка будут выходить в свет и в будущем. Они живут своей жизнью, и без них уже нет истории советского градостроительства. С выводами Марка Мееровича можно не соглашаться и спорить, но его исследования можно и нужно продолжать...

Что же случилось?

Наверное, мы постарели.

Что изменилось?

Как мало мы все же успели...

Это из стихотворения 1985 года.

Елена Багина / Elena Bagina

